

нения (с. 31—36), в жилищной сфере (с. 80—92), в сфере религии (с. 50, 61). Особо останавливается автор на фактах поистине расистского обращения с «цветными» британскими полисменами, которые подвергают их безосновательным обыскам, арестам, зверски избивают (а иногда — и убивают). Расизм в полиции продолжается расизмом в суде — многочисленные факты, приведенные В. Житомирским, неопровержимо свидетельствуют об этом (гл. VII — «В духовном родстве с ку-клукс-кланом», гл. VIII — «Фобии английской Фемиды»).

Все более открыто и активно действуют в Великобритании фашистские и другие откровенно расистские организации и группы, требующие изгнания всех «цветных», терроризирующие их, — это погромщики из «национального фронта», «британского движения», «колонны-88» (с. 102—128). Автор отмечает, что хулиганы и бандиты чувствуют себя вполне уверенно: именно на их стороне чаще всего оказывается полиция, на их стороне фактическая, а иногда и официальная поддержка влиятельных кругов истеблишмента, в том числе многих деятелей из правящей партии, которые не раз говорили об «опасности» афро-азиатской общины, могущей-де «затопить» Британию. Приходится говорить и о том, что расистские настроения разделяют и многие функционеры и рядовые члены тред-юнионов (с. 67—70). Предприниматели пользуются расистскими предрассудками, культивируют расистские настроения для разобщения трудящихся, для снижения эффективности их борьбы за свои классовые интересы.

Постоянное, ежедневное расовое насилие и дискриминация — в такой социальной обстановке приходится жить миллионам «цветных» в Великобритании. Именно поэтому весной 1980 г. возникает «взрыв в Сент-Поле» (один из районов Бристоля) (с. 174—179), за которым последовало «жаркое лето» 1981 г. (с. 180—202) — так называемые «расовые волнения», а точнее, настоящие восстания «цветных» в Лондоне, Ливерпуле, Манчестере и других британских городах. Автор на обширном фактическом материале показывает, что причина взрыва вовсе не в «подстрекательстве» неких «агитаторов», как пыталась объяснить происшедшее полиция, а также часть прессы и правые политики; причина — в антинародной политике тори, в нерешенности, крайнем обострении многих социальных проблем, тяжесть которых особенно мучительно сказывается в положении «цветных» британцев.

Борьба «цветных» жителей Великобритании, кроме стихийных выступлений, обретает все более организованные формы. Создаются национальные, региональные, профессиональные организации «цветных», в некоторых случаях они договариваются о координации своих действий. Иммигранты проводят забастовки, митинги, демонстрации в защиту своих прав. На их стороне прогрессивные силы страны — компартия, Антирасистская лига, ряд влиятельных профсоюзов. Надо отметить, однако, что этот вопрос освещен В. А. Житомирским крайне слабо (с. 227—231 и некот. др.).

В целом же «Апартеид по-британски» — содержательная, хорошо написанная книга, удачно пополнившая советскую библиотеку по вопросам расизма и борьбы с ним в современном мире.

Актуальность содержащихся в ней материалов, точность выводов и оценок подтвердили события августа — сентября 1985 г. (т. е. почти год спустя после сдачи этой книги в набор), когда новые сильнейшие «расовые волнения» потрясли крупнейшие города Великобритании. Суть дела довольно точно выразил один из английских телекомментаторов: «Проблема Южной Африки выплеснулась на улицы английских городов». Ясен, думается, смысл этой аналогии: в стране старейших традиций буржуазной демократии, формального равенства граждан существуют свои «Соуэто», в которых живут бесправные по существу люди, «чувствующие себя беспомощными перед лицом ежедневной тревоги» (как написала в одном из материалов в августе 1985 г. лондонская «Таймс»), люди, которые не хотят, не могут более мириться с таким положением.

С. Я. Козлов

Tove Skutnabb-Kangas. Bilingualism or Not: The Education of Minorities. Multilingual Matters 7. Clevedon. England. 1984. 378 p.

Билингвизм на уровне личности и группы всегда занимал видное место в истории народов мира, и чем большее число исследователей обращается к билингвизму, тем очевиднее становится всеобщность и универсальность этого важного аспекта межнациональных контактов. Постоянно растущий интерес к билингвизму не случаен. В настоящее время, когда контакты между странами и народами неизмеримо возрастают, проблемы двуязычия становятся более актуальными.

Можно сказать, что расширение масштабов исследований по билингвизму увеличивает потребность в надежных научных и практических ориентирах понимания процессов возникновения и функционирования двуязычия и руководства ими. В этом плане большой интерес вызывает опубликованная в 1981 г. на шведском, а в 1984 г. на английском языке книга Тове Скутнаб-Кангас «Двуязычие или нет? Обучение меньшинств».

Тове Скутнаб-Кангас родилась в Финляндии. Закончив Хельсинкский университет, где защитила диссертацию по педагогическим аспектам двуязычия, она переехала в Данию и развернула большую пропагандистскую и научную деятельность по изучению прикладных аспектов двуязычия применительно к различным группам национальных меньшинств. Она — редактор периодического издания «Иммигранты и меньшинства». Диапазон ее исследовательских интересов последовательно расширяется от непосредственно языковых к более сложным вопросам социально-экономического и культурного

статуса национальных меньшинств в Скандинавских и некоторых западноевропейских странах.

Композиция и содержание книги в известной мере отражают эволюцию взглядов западноевропейских ученых и самого автора на узловые вопросы двуязычия.

Несмотря на то, что книга освещает главным образом прикладные аспекты двуязычия (см. 3. I, с. 58—59), в ней рассмотрены и важные в общетеоретическом и концептуально-терминологическом планах вопросы: сущность языка, понятие родного языка и двуязычия, планирование языкового обучения. Для советских же специалистов особый интерес могут представить прикладные вопросы, в том числе посвященные анализу эмпирического материала, в связи с выявлением, фиксацией и характеристикой различных компонентов двуязычия: языковой компетенции, речевой деятельности, беглости речи в различных ситуациях, размеров интерференции и т. д. Самостоятельную ценность представляет информация об билингвизме национальных меньшинств Западной Европы в широком контексте их жизни в иноязычной среде.

Наряду с разработкой дефиниций, способствующих глубокому раскрытию механизма приобщения детей и взрослых ко второму языку, автор делает попытку увязать этот процесс с более широким — «включением» некоторых групп населения в инородную (иносоциальную, инонациональную, инокультурную и т. д.) среду. Исследования Т. Скутнаб-Кангас ограничены Скандинавским регионом, хотя в отдельных случаях она обращается к более широкому географическому ареалу двуязычия. К сожалению, в книге бедно представлена языковая жизнь многонациональных стран социалистического содружества, не упоминаются многие регионы и страны Азии и не всегда уделяется должное внимание многообразию многоязычных ситуаций в разных сферах жизнедеятельности (книгоиздательство, средства массовой коммуникации, делопроизводство и т. д.).

Представляют немалый интерес мысли автора об уточнении существующих определений языка, поскольку, как полагает Т. Скутнаб-Кангас, язык выступает не только связующим началом между людьми, инструментом коммуникации и формирования концепций, но и инструментом социального анализа, отражающим общественные отношения.

Признание равноправия и равноценности всех языков определяет точку зрения исследовательницы. В последнем тезисе привлекает внимание гуманистическая позиция автора, ее уверенность в том, что не существует примитивных языков и что язык любой общности людей имеет право и способен на бесконечное развитие. Но едва ли можно согласиться с утверждением, что «степень развития литературного письменного языка или разработка терминологии — это только технические проблемы, которые можно легко решить при наличии специалистов и денег» (с. 4). В действительности решающим условием структурного развития языка выступает только его функциональное развитие, которое в свою очередь обусловлено потребностями самих носителей того или иного языка.

Значительное место в книге занимает обсуждение понятия «родной язык». В отличие от ряда работ в данной книге приводятся критерии определения родного языка (как собственно языковые, так и внеязыковые). Родной язык — это язык, на котором человек думает, мечтает, видит сны, может считать. При этом Т. Скутнаб-Кангас справедливо подчеркивает, что перечисленные показатели — относительно слабые критерии. Человек, проживший долгое время в иноязычной среде, может использовать второй язык в указанных ситуациях, не владея им при этом хорошо.

Из существующего многообразия критериев родного языка заслуживают внимания те, которые базируются на структурно-функциональных особенностях языка. Так, например, достаточно точный критерий — происхождение. В этом смысле родной язык — это язык, который ребенок выучивает первым при постоянном и длительном языковом контакте с матерью.

Следующий критерий — уровень языковой компетенции, т. е. родной язык — это язык, который человек знает лучше всего. В уровне языковой компетенции автор выделяет четыре различных аспекта: понимание, говорение, чтение, письмо. Нельзя не указать, что при строгом подходе к уровню языковой компетенции вряд ли можно найти много случаев, когда два языка в одинаковой мере функционируют в различных сферах жизни.

Критерий — функциональное предназначение языка, т. е. языка, который чаще всего используется, — также не совсем точен, так как часто билингвы используют на работе язык большинства, но знание этого языка не всегда бывает хорошим. Несовпадение языковой компетенции и реального речевого поведения, в частности, хорошо изучено в различных республиках СССР в ходе этносоциологических исследований, проведенных Институтом этнографии АН СССР. В ходе этих же исследований удалось установить ведущую роль психологических факторов в определении родного языка. Выводы советских ученых вполне согласуются с мнением Т. Скутнаб-Кангас о критерии — установке на родной язык, т. е. о том, что родной язык — это язык внутренней идентификации, язык, посредством которого в процессе социализации человек постигает нормы и систему ценностей своей этнической группы (с. 13—15) и отождествляет себя с ней.

Анализ предметной области исследования билингвизма в его педагогическом аспекте, уточнение критерия того, что считать родным языком, в том числе на примере структуры языков, взаимопонимания и социальных функций языка, проделанные в книге, позволяют подойти к раскрытию вопроса: «Что такое двуязычие?». Этому посвящена глава IV — своеобразный мост между эмпирическими материалами, теоретическими наблюдениями и выводами автора рассматриваемой работы. По насыщенности

понятий, терминов, дефиниций IV и V главы, пожалуй, являются центральными в книге. Рассматривая те или иные ключевые определения двуязычия, Т. Скутнаб-Кангас справедливо замечает, что их существует столько же, сколько и исследователей. Но, может быть, это вполне естественно, так как представитель каждой дисциплины подходит к критериям двуязычия с точки зрения интересов своей науки, изучающей многообразные связи языка и этноса.

Открывающая IV главу мысль о том, что билингвизм часто ассоциируется с целым рядом негативных явлений, кажется неожиданной и даже парадоксальной для советского читателя. Однако по мере того как автор прослеживает эволюцию отношения общественного мнения к двуязычию в западноевропейских странах, многое становится ясным. В самом деле, если речь идет о таком взгляде на двуязычие (распространенном в 20—30-е годы), при котором оно представляет лишь переходное состояние от первоначального одноязычия угнетенных национальных меньшинств через двуязычие, где вторым языком выступает язык большинства, к новому одноязычию в языке доминирующей национальности, то действительно, приходится согласиться с тем, что такое двуязычие, представляющее по сути дела инструмент ассимиляции, является неизбежным злом. Совсем другое дело, как показывает Т. Скутнаб-Кангас, когда двуязычие развивается как более или менее стабильный процесс, не угнетающий позиции языков национальных меньшинств.

Рассуждения автора ценны тем, что еще раз подтверждают важный вывод, который уже прозвучал в советской литературе и получает все большее признание. «Хотя языковая общность непременно присуща каждому этносу,— отмечал Ю. В. Бромлей еще в 1973 г.,—и каждый этнос в процессе становления обычно пользуется одним языком, однако совсем не обязательно, чтобы на протяжении всего своего дальнейшего существования он обслуживался одним языком»¹. Имплицитно приведенное суждение подтверждает Т. Скутнаб-Кангас, которая, в частности, пишет: «Билингв — это тот, кто способен функционировать на двух языках, либо в одноязычной, либо в двуязычной общине, в соответствии с социокультурными требованиями, предъявляемыми к коммуникативной и познавательной компетенции билингва со стороны этих общин или самим билингвом на том же уровне, что и носители языка, и может позитивно отождествлять себя с обеими языковыми группами и культурами или с их частями» (с. 90).

При анализе проблем планирования обучения билингвов Т. Скутнаб-Кангас раскрывает сущность и содержание процесса двуязычного обучения, под которым она понимает использование не менее двух языков для преподавания ряда предметов, кроме изучения самих языков как отдельного предмета.

Любое многоязычное общество, стремящееся к прогрессу, постоянно нуждается в совершенствовании коммуникативных возможностей своих граждан. С этой точки зрения особый интерес представляют наблюдения и выводы Т. Скутнаб-Кангас о роли школы и семьи в приобщении детей различного возраста и различных групп поселения ко второму языку. Анализ содержания, достоинств и недостатков таких способов «одвуязычивания», как «immersion programme» («языковая ванна»), «submersion programme» (языковое погружение), в том числе «раннее», «позднее» и «частичное», открывает новые перспективы для изучения прикладных аспектов двуязычия и реального хода этноязыковых процессов.

70-е годы, как известно, значительно расширили внимание исследователей к двуязычию как к сложному, многокомпонентному явлению. В отличие от многих западных ученых Т. Скутнаб-Кангас с глубоким значением классифицировала различные методики проведения социолингвистических исследований с учетом их целей и задач, с ясным пониманием их предназначения. Не приходится доказывать, что фиксация языковой компетенции, речевого поведения или установок на изучение и употребление языка требует разных методик. Так, в VIII главе она пишет не о тестах вообще, а о педагогически-лингвистически-психологически ориентированных тестах; не просто об измерении речевой деятельности, а о фиксации языкового восприятия и языкового воспроизведения; не просто о мотивации, а о синтетической и интегрированной мотивации и т. д.

Рассматривая взаимосвязь педагогического и психологического аспектов двуязычия, автор констатирует, что знание и употребление двух языков могут иметь тройное воздействие на развитие познавательных способностей билингвов: положительное, отрицательное, нейтральное.

Положительный эффект двуязычия достаточно хорошо изучен в современной советской психо-, социо- и этнолингвистике. Что же касается его отрицательного эффекта, думается, здесь нужны серьезные дополнительные исследования, хотя бы потому, что ученые, применяющие тесты как основной способ определения уровня владения двумя языками, часто не учитывают необходимость дифференцирования тестов, так как неправомерно применять один и тот же тип теста для монолингвов и билингвов.

Уродливое развитие двуязычия среди некоторых национальных меньшинств, находящихся с одной стороны, в угнетенном, а с другой — в маргинальном состоянии, т. е. людей, которые утратили ценности своей и не приобрели в должной мере ценности не своей этнической общности, вызывает к жизни различные негативные формы, в основе которых, как правило, лежит отмечаемое в X главе несовершенное владение каждым из контактирующих языков.

Завершающие книгу главы XI и XII посвящены анализу политических и экономических аспектов языковой политики, в том числе такой, при которой билингвы из числа

¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 57.

иммигрантов и национальных меньшинств плохо овладевают как первым, так и вторым языком.

Несмотря на отдельные спорные положения и не совсем удачные формулировки, результаты исследований Т. Скунтаб-Кангас являются ценным вкладом в разработку педагогических, прикладных, причинно-следственных аспектов двуязычия.

Н. С. Ермакова

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Т. Ф. Сиверцева. *Семья в развивающихся странах Востока (социально-демографический анализ)*. М.: Наука, 1985. 165 с.

Исследования этносоциальных процессов в зарубежных странах, выявляющие связь этих процессов со спецификой социально-политического развития наций и конкретных этнокультурных ситуаций, в последнее время стали одним из важных направлений в этнографической науке¹. Особенно это касается развивающихся стран, в которых под влиянием кардинальных экономических и социальных сдвигов происходит разрушение традиционных укладов и зарождение новых, порой неожиданных форм этнокультурных явлений и процессов.

Заметное место принадлежит здесь анализу семейных отношений, в рамках которых воспроизводится большинство этнических характеристик. С целью координации комплексных исследований семьи в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР создана и действует межсекторальная проблемно-тематическая группа. Учитывая все это, можно сказать, что рецензируемая работа, хотя акцент в ней сделан на социально-демографическом аспекте исследования семьи, представляет несомненный интерес для этнографов.

Основная цель работы состоит в «рассмотрении динамики, структуры и роли семьи в развивающихся странах», причем особое внимание уделяется «комплексному анализу взаимного влияния развития семьи, социально-демографических и отчасти социально-политических процессов» (с. 4). К сожалению, подобный подход, охотно декларируемый многими авторами, далеко не всегда находит подтверждение в соответствующих исследованиях, где анализ социально-экономической ситуации и собственно семьи нередко ведется как бы параллельно, а их взаимосвязи остаются нераскрытыми. В пользу рецензируемой работы говорит то, что в ней в целом выдержан принцип комплексности исследования.

Первая из четырех глав монографии посвящена анализу эволюции семьи в развивающихся странах. Автор характеризует своеобразие норм брачности (понимая под ней возраст вступления в брак, распространенность и формы брака, разводимость), сложившихся в рамках ислама, буддизма, индуизма и христианства. Эволюцию традиционных норм брачности в странах Востока Т. Ф. Сиверцева связывает с их социально-экономическим развитием, которое приводит к изменению структуры семьи, а также со значительно усилившимся в последнее время процессом эмансипации женщин.

Интерес этнографов, несомненно, вызовет вторая часть главы, в которой рассматривается эволюция форм семьи. Взяв за основу такие типы, как расширенная, неразделенная и нуклеарная семья², автор констатирует, что в развивающихся странах наиболее распространены семьи, «объединяющие в себе различные элементы этих типов» (с. 29). В то же время общей для изучаемого региона Т. Ф. Сиверцева считает тенденцию к нуклеаризации семей, правда, специально оговариваясь, что нуклеарная восточная семья достаточно разнообразна и не всегда идентична нуклеарной западной семье (с. 35). В большинстве восточных стран сложные семьи продолжают сохраняться наряду с нуклеарными и даже функционально взаимодействуют с ними. Кроме того, институт большой семьи нередко сохраняется в виде определенных пережитков и специфических социально-психологических установок.

В монографии подчеркивается, что начавшийся процесс разложения большой семьи оказывает немалое влияние на изменение функций семьи и ее места в структуре современного общества. В данном контексте интересна высказанная автором мысль, что по мере распада большой семьи традиционный комплекс внутрисемейной и родовой мотивации, прежде имевший решающее значение в формировании репродуктивного поведения, разрушается и ему на смену приходят иные мотивы и стереотипы поведения, реализация которых означает переход к новому типу воспроизводства населения.

Подробному рассмотрению этого процесса посвящена вторая глава монографии. Автор исходит из того, что рождаемость наиболее адекватно отражает социально-экономические изменения в развивающихся странах (с. 41). Безусловно признавая, что динамика рождаемости зависит от сдвигов в социально-экономической сфере, мне все

¹ См. Бромлей Ю. В. *Современные проблемы этнографии*. М.: Наука, 1981. С. 123.

² Т. Ф. Сиверцева ссылается на неоднозначность трактовок типов семьи в советской и зарубежной литературе, указывая на условность выбранных ею наименований типов семьи.